

Михаил Новорусский

Автобиография М. В. Новорусского (Публикация и примечания О. В. Шемякиной)

*Неизданная рукопись шлиссельбуржца М. В. Новорусского
его автобиография и характеристика революционной и научно-
литературной деятельности
Автобиографический очерк*

[Начало к стр. 1, О. Ш.]

Родился и провел детские годы в селе Новой Руссе¹, в которой крестьяне вспоминают меня до сих пор, хотя после освобождения я там был всего один раз.

На одиннадцатом году меня увезли учиться в духовное училище в Старую Руссу, и с тех пор до самого ареста я бывал на родине только во время летних вакаций.

По окончании четырехлетнего курса в училище в 1876 г. я вместе с двумя старшими братьями был отправлен в Новгород в духовную семинарию, где братья учились раньше и где я провел шестилетний курс, живя в общежитии и воспитываясь в ненависти к своему начальству, о котором все ученики говорили, что оно ворует.

Здесь же при моем деятельном участии образовалась из учеников своя 'террористическая' группа, единственное выступление которой состояло в том, что эконому в квартире выбили все стекла нижнего этажа. Я тогда числился учеником 'примерного' поведения, а по успехам я всегда шел первый.

В качестве примерного и преуспевающего я командирован был в 1882 г. в Петербургскую духовную академию на казенный счет и здесь, при содействии товарищей, впервые додумался до той простой истины, что начальство семинарское или академическое есть лишь ничтожный отпрыск начальства вообще, и начальства высшего в особенности, которое в России задает тон всему и которому 'мелкая сошка' старается подражать во всем.

Здесь же впервые, живя в общежитии, я познакомился с нелегальной литературой (1885 г.), которой тогда было крайне мало и не-

¹Демянский уезд, Новгородская губерния, ныне – Маревский район Новгородской области.

многие экземпляры которой хранились у меня для надобностей нашей небольшой группы студентов сочувствующих.

В конце того же года я уже был кассиром студенческого землячества новгородской губ[ернии], которое объединяло студентов всех высших учеб[ных] заведений этой губернии и в котором путем 'естественного отбора' тотчас сгруппировались все радикально мыслящие, где бы они ни учились.

В 1886 г. сорганизовался Союз студенческих землячеств разных губерний, в котором продолжался тот же процесс отбора. После нашего процесса (в апреле 1887 г.) этот союз был подвергнут полному разгрому, а радикальные элементы молодежи разосланы по разным более или менее отдаленным городам. Здесь были не только студенты, но и др[угие] лица, которые имели 'опасные' знакомства в студенческой среде.

Я кончил курс Академии в 1886 г. и в качестве преуспевающего студента с примерным поведением был оставлен при академии для подготовки к профессорскому званию. Предусматривалась кафедра либо психологии, либо педагогики. Кстати сказать, из двух других однокурсников, оставленных вместе со мной, ни один не получил кафедры. Получил же кафедру психологии наш однокурсник В.С. Серебренников, ныне благополучно здравствующий.

Первым моим научным трудом была кандидатская диссертация на тему что-то вроде: основы нравственности в эмпирической философии. Прямой моей обязанностью после оставления при академии было писать магистерскую диссертацию. Темой для нее, вопреки моему желанию, была дана монография о Бенеке², малоизвестном немецком психологе и педагоге пятидесятых годов, труды которого я должен был изучить в подлиннике.

На этой работе и застал меня арест. По окончании академии я жил своей квартирой, где иногда собирались делегаты Общестуденческого Союза и где я получил предложение – разрешить А.И. Ульянову приготовить недостающие 3 ф[унта] динамита. С Ульяновым мы уже были хорошо знакомы по Союзу и на двух собраниях, состоявшихся в его квартире, я бывал также, как и он на моей квартире.

[Далее строка 2 стр. 1 по печатному. Здесь заканчивается рукописный текст. Далее – машинопись, О. Ш.]

² Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854) – немецкий философ и психолог.

Я, Михаил Васильевич Новорусский, родился в 1861 г. [Символ, обозначающий вставку рукописного текста, О. Ш.]

В мае 1887 г. я был заключен в Шлиссельбург на 26-м году.

После освобождения из Шлиссельбурга 29 октября 1906 г. просидел в Петропавловке до 22 ноября, когда был препровожден в покои митрополита Антония, по его ходатайству, а оттуда на 3-й день в Выборг к архиепископу Сергию³. У него прожил в отдельной даче с перерывами около пяти месяцев, а всего в Выборге оставался до 4 апреля 1907 г.

Здесь я писал воспоминания о жизни в Шлиссельбурге, которые печатались в «Былом», начиная с апреля 1906 г., в течение почти года. Отдельной книжкой (321 стр.) эти воспоминания вышли сначала в Гельсингфорсе (1907 г.) на шведском языке под заглавием *Iden Ruska Bastilien*, а потом в Берлине (1908 г.) на немецком языке под заглавием *18½ Jahrenhinter russischen Kerkermauern* (323 стр.). Оба издания были запрещены в России, и таким образом русское не могло появиться на свет до 1920 г.

Переехавши из Выборга в Петербург по специальному на то разрешению, я тотчас поселился на курсах П.Ф. Лесгафта (тогда «Высшая Вольная Школа»)⁴, с которым предварительно договорил-

³ Архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Старогородский) (1867–1944), в 1943–1944 патриарх Московский и всея Руси. Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) (1846–1912), посещал Шлиссельбург в 1904 г., беседовал с заключенными, ходатайствовал перед императором об облегчении условий заключения.

После освобождения шлиссельбуржцы должны были временно отправиться к родственникам 'на поруки'. Однако у Новорусского в Петербурге таковых не было, и митрополит Антоний и архиепископ Сергей вызвались выступить в качестве его поручителей. По свидетельству В. Н. Фигнер, митрополит Антоний знал Новорусского еще по Петербургской духовной академии (Фигнер 1920: 226), и 'интерес духовных сановников к освобожденному шлиссельбуржцу объясняется происхождением М. В. от лица духовного сословия, а также тем, что образование он получил в учебных заведениях духовного ведомства, пройдя всю градацию их' (Фигнер 1925: 11).

⁴ Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) – биолог, анатом, врач, педагог, общественный деятель, создатель научной системы физического воспитания. Высшая вольная школа была создана П. Ф. Лесгафтом в разгар первой русской революции на базе Высших курсов воспитательниц и руководительниц физического образования. ВВШ была открытым независимым учебным заведением, насчитывавшем более 2000 слушателей. Закрыта в 1907 г. 'как очаг революционной заразы': несмотря на противодействие со стороны самого П. Ф. Лесгафта, стремившегося прежде всего сохранить ВВШ, Школа стала площадкой для собраний революционной молодежи.

ся об этом. Здесь сначала заведовал хозяйственной частью, а затем химической лабораторией, в качестве лаборанта, и оставался до мая 1909 г. После женитьбы⁵ (20 мая) поселился на своей квартире и одновременно стал заведовать Подвижным музеем Русского технического общества⁶ с официальным званием секретаря Совета.

В течение этого времени я читал бесплатные лекции по разным вопросам естествознания в народных аудиториях (где можно было без разрешения) и занимался литературными работами:

1) сотрудничал в «Задушевном Слове» (изд[ание] Вольфа) и написал текст к двум иллюстрированным (красочным) изданиям Вольфа под заглавием а) *Уголки живой природы* и б) *Большая книга картин*.

С П. Ф. Лесгафтом Новорусский познакомился после освобождения, решив передать Курсам созданные им в Шлиссельбурге естественнонаучные коллекции. При первой же встрече Новорусский получил от Лесгафта предложение работать в Высшей вольной школе. Ему была предоставлена комната прямо в здании Биологической лаборатории. Помимо Новорусского, на Курсах преподавали еще два шлиссельбуржца – Н. А. Морозов и И. Д. Лукашевич, а В. Н. Фигнер была ученицей Лесгафта еще в 1871 г. в Казанском университете (см. Новорусский 1912; Фигнер 1912; Шабунин 1982).

⁵ Жена – Пелагея Матвеевна Рыжкова, студентка Высшей вольной школы.

⁶ Подвижной музей наглядных учебных пособий в Петербурге был создан в 1892 г. и был самым крупным передвижным педагогическим музеем в России. Предметы коллекции Музея (различные наглядные учебные материалы) выдавались на время учебным заведениям или частным лицам. Музей не только собирал и хранил наглядные пособия, но и сам их изготавливал, для этого при Музее работала специальная мастерская. Музей был создан группой частных лиц и финансировался из различных источников. Русское техническое общество стало официальным патроном Музея в 1894 г.

Музей сыграл особую роль и в жизни шлиссельбуржцев. В 1897 г., узнав о существовании Музея, они смогли договориться с тюремным начальством о возможности заказывать предметы из его коллекций для самообразования. В Шлиссельбурге побывали коллекции по минералогии, геологии, палеонтологии и многие другие. Более того, шлиссельбуржцы стали принимать активное участие в формировании коллекции Музея – составляли гербарии, выполняли столярные работы и др. Таким образом, для отрезанных от жизни революционеров Музей стал возможностью приложить свои способности и навыки к настоящему делу (Новорусский 1933: 167–184). В. Н. Фигнер вспоминала о Новорусском: “Как коллекционеру (по ботанике, энтомологии, минералогии), ему в нашей тюрьме, по всей справедливости, принадлежала пальма первенства. Когда мы одно время работали для Петербургского подвижного музея, никто не мог превзойти этого несравненного труженика по обилию собранного и обработанного им материала и по его неистощимой и неоскудевающей энергии” (Фигнер 1925: 10).

2) Издал сам книжку под заглавием *Земля и ее Жизнь* (1907 г.). К 1913 г. издание разошлось и было выпущено в исправленном виде Сытиным. Напечатано 3-м изданием в Госиздате.

3) Издал сам книгу *Грибное царство* (1908 г.). В 1913 г. переиздал ее вторым изданием в исправленном виде. В 1919 г. вышло 3-е.

4) Написал *Основы современного мировоззрения* и после долгих проволочек издал их сам в 1910 г.

5) Осенью 1908 г. вошел в состав редакции журнала «Образование» (изд. Карышева), где вел *Внутреннее обозрение* (до мая 1909 г.) и поместил две популярных естественнонаучных статьи.

Заведывание Музеем продолжал до середины 1917 г., когда был назначен (июль) директором Сельскохозяйственного музея⁷. Но еще ранее, тотчас после организации Военно-промышленного комитета в 1915 г., одновременно исполнял в нем обязанности секретаря.

Положение в Подвижном музее поставило меня в тесную связь с Русским техническим обществом, куда вошел сначала в качестве простого члена, а потом был избран непрямым членом Постоянной комиссии по техническому образованию. Здесь я участвовал в Особой анкетной комиссии по изучению музеев, материалы которой разработал и напечатал в сборнике *Педагогическая Академия в очерках и монографиях* под заглавием *Музеи и их образовательное значение*. Участвовал в качестве организатора и эксперта на выставке *Устройство и оборудование школы*, для которой под тем же названием написал и издал отдельную брошюру (1912 г.). За труды по выставке получил от Технического общества бронзовую 'медаль признательности'.

⁷ Сельскохозяйственный музей в Санкт-Петербурге был создан еще в 1859 г. – в период подготовки отмены крепостного права. Создание Музея должно было способствовать повышению технического и культурного уровня сельского хозяйства в России. В 1881 г. Императорский сельскохозяйственный музей открылся в новом специальном построенном для него здании – на Соляном городке. Коллекцию Музея составляли сельскохозяйственные машины, образцы почв, растений, удобрений и др. После революции Музей носил название Государственный музей социалистического сельского хозяйства, был ликвидирован после Великой Отечественной войны. На посту директора Новорусский стремился создать 'живой музей', который максимально наглядно представлял бы различные виды сельскохозяйственной деятельности.

Через год после этого участвовал в качестве эксперта на Всероссийской гигиенической выставке⁸.

По музейным вопросам выступал сначала с докладами на отдельных собраниях и съездах (между прочим на Всероссийских съездах естествоиспытателей и врачей в Москве в 1909 г. и в Тифлисе 1913 г.), а затем и с лекциями на различных краткосрочных курсах, которые устраивались земствами и Университетом Шанявского⁹ (Петербургское земство, Нижегородское, Оренбургское). В 1921 г. подобные лекции были прочитаны на курсах Общества внешкольного образования и на инструкторских курсах по внешкольному образованию, устроенных Комиссариатом просвещения. В 1919–1920 гг. читал лекции по музейным вопросам в Педагогической академии, во Внешкольном институте¹⁰ и в Красноармейском университете¹¹. В 1923 и 1924 гг. читал эти лекции в Педагогическом техникуме, а в 1924/25 гг. состою профессором Высших сел[ьско]хоз[яйственных] педагог[ических] курсов¹² по кафедре музейного дела.

В качестве знатока музейного дела приглашался всюду и был избран товарищем председателя мертворожденного Общества 'Союз Музейных деятелей'. Участвовал в Комиссии Городской думы (1913

⁸ Вторая Всероссийская гигиеническая выставка 1913 г. проходила в Петербурге в течение четырех месяцев, было выстроено почти 70 павильонов и киосков. Выставка охватывала широкий круг тем от бактериальных инфекций до физического воспитания, сопровождалась лекциями, спортивными выступлениями, кинопоказами и др.

⁹ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского создан в 1908 г. на Миусской площади (ныне в здании располагается РГГУ). Университет был открыт для всех желающих, вне зависимости от пола, социального положения, национальности и уровня образования. После революции перешел в ведение Наркомпроса, в 1919–1920 гг. был реорганизован: часть передана МГУ, часть – Коммунистическому университету им. Я. М. Свердлова.

¹⁰ Возможно, имеется в виду Институт методов внешкольной работы с детьми, учрежденный в 1923 г. из слияния созданных ранее институтов детского чтения, клубного и экскурсионного.

¹¹ Возможно, имеется в виду Петроградский красноармейский университет им. Н. Г. Толмачева. Учебное заведение было создано в 1919 г. Главная задача Института состояла в подготовке специалистов по ликвидации неграмотности, политическому, воинскому и культурно-просветительному воспитанию в Красной армии. Позже преобразован в Военно-политическую академию, сегодня – Военный университет Министерства обороны.

¹² Возможно, имеются в виду Высшие педагогические курсы при Ленинградском сельскохозяйственном институте.

г.) по выработке проекта *Городского промышленно-художественного и технического музея*.

В 1919 г. и 1920 г. состоял председателем Комиссии по выработке научных программ Музея Петроградского края. В 1919 г. выбран членом коллегии Музея Революции.

В Подвижном музее ежегодно составлял для печати отчеты о его деятельности.

Был постоянным сотрудником Народного Дома графини Паниной¹³. Здесь участвовал в коллективном составлении сборника *Народный Дом* (1907 г.) и поместил в нем статьи о Музее и о кинематографе.

Здесь же постоянно работал в организации местных выставок.

Сотрудничал в Мастерской учебно-наглядных пособий, а когда она выделилась от Подвижного музея и организовалась под видом торгового т[оварищес]тва, был выбран членом Правления.

Приобрел известность также периодическими заметками по разным вопросам науки и техники, которые печатались в 1910–1915 гг. в (4) [Так в документе, О. Ш.] газете «Речь» и в ее годичных сборниках.

Сотрудничал в (5) газете «Современное Слово» и (6) «День», а затем еще в следующих периодических изданиях:

7. «Север».

8. «Природа и люди» 1915 г.

9. «Родник» :

10. «Солнышко» : 1914–1915 гг. детские

11. «Тропинка» :

12. «Школа для всех» 1914 г.

13. «Голос жизни» 1915 г.

14. «Новый журнал для всех» 1912 г.

15. «Жизнь для всех» 1912 г.

16. «Заветы» 1913–1914 гг.

17. «Современный мир»

18. «Русская школа» 1913–1916 гг.

19. «Свободное воспитание» 1911–1912 гг.

¹³ Графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956) – одна из первых феминисток в России, общественный и политический деятель, член ЦК партии кадетов, член Временного правительства (товарищ министра народного просвещения, затем – государственного призрения). Народный дом был создан С. В. Паниной в 1903 г., в нем располагались общедоступные столовая, юридическая консультация, библиотека, театр, обсерватория, проводились различные лекции.

20. «Вестник технического и коммерческого образования»... [Следующий за этим четвертый (по собственной нумерации Новорусского) лист отсутствует. В архивном деле далее ошибочно следует лист 7 (по архивной нумерации). В настоящей публикации текст листа 7 приводится в соответствующем месте – между 13 и 14 листами (по архивной нумерации), О. Ш.]¹⁴

....[автомобильные заводы И. П. Пузырева на Урале] были захвачены рабочими в январе 1918 г. и Правление [заводов] лишено было возможности действовать. В Военно-промышленном комитете состоял до конца 1917 г.

Состоял членом многих обществ, живых и мертвых, из коих можно назвать: Общество народных университетов, Общество 'Народный политехникум', О[бщест]во любителей мироведения, О[бщест]во 'Внешкольный союз', Комитет гражданского просвещения, Дом-музей¹⁵, О[бщест]во распространения сельскохозяйственных знаний, О[бщест]во географическое, О[бщест]во естествоиспытателей и др.

Из других литературных работ следует назвать:

1. *Приключения мальчика меньше пальчика* (1911 г., в 1920 г. – 2-е издание).

¹⁴ Содержание недостающего листа автобиографии может быть приблизительно восстановлено по тексту В. Н. Фигнер: "Помимо деятельности культурно-просветительной, с началом войны М. В. пришлось иметь дело и затратить много времени и труда в области, касающейся русской промышленности. Когда при Техническом о-ве была организована 'Комиссия по изучению промышленности в связи с войной', а при ней справочное бюро – М. В. заведовал этим бюро в качестве секретаря и составлял периодические бюллетени, печатавшиеся в «Записках Технического О-ва» и отдельно, а когда, в 1915 г., был образован Военно-Промышленный комитет, то, вместе с вышеуказанным бюро, перешел в комитет на должность секретаря.

В мае 1917 г. Военно-Промышленный к-т командировал М. В. на Урал со специальной 'комиссией по восстановлению нормального хода работ' в тамошних промышленных предприятиях. В июне ему как 'состоящему в распоряжении заместителя председателя' было поручено организовать под своим председательством комиссию по обследованию заводов 'Респиратор', переданных вскоре К-ту 'Военно-Технической Помощи', с назначением М. В. членом правления от Военно-Промышленного к-та (Правление распалось со времени октябрьского переворота 1917 г.). Таким же членом он вошел в июне и в правление автомобильных заводов Пузырева" (Фигнер 1920: 229–230).

¹⁵ Имеется в виду Общество дома-музея памяти борцов за свободу, созданное в Петрограде группой интеллигенции во главе с М. Горьким в марте 1917 г. Хотя музей Общество открыть не успело, но оно проводило собирательскую работу. Закрыто в 1919 г. (см. Саркисян 2017).

2. *Что делать народному учителю*. Печаталось приложение к «Русской Школе» в 1912 г. и вышла тогда же отдельной книжкой. Переиздана автором с дополнениями в 1916 г. и снова издана в 1919 г. Комиссариатом народного просвещения.

3. В периодическом издании Сойкина «Знание для Всех» две брошюры с иллюстрациями *Жизнь почвы* (1916 г.) и *Незримая жизнь почвы* (1917 г.). Напечатано в Ленгизе 2-е издание.

В кооперативном издательстве 'Кооперация' *Как я высидел цыплят*.

5. *Как произошли наши животные* (Госуд. изд. 1920).

6. Напечатана в Государственном издательстве брошюра *О сахаре*.

4. [Так в документе, О. Ш.] В Сельскохозяйственной энциклопедии (Девриена)¹⁶ поместил более 25 статей.

С конца 1917 г. и по 1920 г. непрерывно редактировал популярные издания Сельскохозяйственного музея по всем вопросам сельского хозяйства. Проредактировано не менее 20 брошюр и плакатов, из коих многие подвергнуты серьезной переработке.

С апреля 1918 г. состоял товарищем председателя 'Совета по делам ученых учреждений Комиссариата Земледелия'. В качестве такового принял звание комиссара над ними и до половины августа [Далее лист оборван, отсутствуют две строки, О. Ш.] ... Культурно-просветительный отдел (для распространения сел[ьско]хоз[яйственных] знаний школьным и внешкольным путем) и управлял им до 1 декабря того же года.

В провинцию нередко я приглашался для популярных лекций, но выезжал читать только в Новгород, Нижний Новгород, Н[овую]Ладугу, Детское Село, Нарву и Сестрорецк.

В О[бщест]ве народных университетов¹⁷ состоял председателем Экскурсионной секции, в течение ряда лет организовывал экскурсии (взрослых) и очень часто сам и руководил ими, особенно в пределы Финляндии, куда ездил более 12 раз, и в Шлиссельбург, куда ездил в 1917 г. и 1918 г. не менее 6 раз.

¹⁶ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук (1900–1912).

¹⁷ Петербургское Общество народных университетов было создано во время революции в 1906 г. Изначально планировалось создать Всероссийское общество, но на это не было получено разрешение. Общество объединяло лекторов народных университетов, организовывало общедоступные лекции по различным дисциплинам (см. Морозан 2008).

Вывезенные из Шлиссельбурга коллекции я поместил в Музей Курсов Лесгафта, где они до сих пор занимают особое место в двух шкапах собственной работы.

Во Всероссийском Сельскохозяйственном Музее состою одним из лекторов и читаю лекции по общим вопросам, относящимся к сельскому хозяйству, в самых разнообразных аудиториях.

С февраля 1918 г. имею сына Михаила и, получивши наследника, могу спокойно сойти с житейской сцены.

II [Синим карандашом на полях, О. Ш.]

Эти внешние факты биографии необходимо дополнить внутренними.

Как лицо, прошедшее с отличием весь цикл духовной школы, я достаточно ориентирован в области философских и религиозных исканий человечества. По окончании академии я оставлен был при ней в качестве 'профессорского стипендиата' для приготовления к кафедре, и уже намечался на кафедру психологии либо педагогике. Значит, в этих областях тоже имел соответствующую подготовку.

В Шлиссельбурге в первые годы я увлекался историей и юридическими науками. В Берлине в Музее Русской Революции хранятся все мои тетради того времени с выписками из прочитанных книг. По ним, как по лестнице, можно снова пройти курс всех знаний, которые тогда интересовали меня. История русская и всемирная была читана и перечитана в известных многотомных трудах Соловьева, Костомарова, Шлоссера и др. Были у нас и также изучались мною специальные курсы по истории той либо другой революции. Право государственное, уголовное, международное, гражданское и даже римское изучались в то время мною по университетским курсам. Вопросы социальные, политико-экономические, в частности земельные, вопросы, от которых долго оберегало нас попечительное начальство, в конце концов были с достаточной полнотой освещены в той литературе, которую мы приобрели во 2-й период нашего заточения. Ее мы изучали и дебатировали с весьма понятной страстностью.

Наконец, все отрасли естествознания были пройдены по университетским курсам при содействии коллекций Подвижного Музея и при помощи собственного коллекционирования. Не исключена была химия, для изучения которой удалось оборудовать там маленькую лабораторию.

Отсюда был естественный переход к технологии, в связи со всякого рода мастерством и разнообразными практическим занятиями, о чем довольно подробно рассказано мною в *Записках Шлиссельбуржца*.

Можно без ложной скромности сказать, что ни одна наука не осталась мне чуждой, не исключая статистики, этнографии и языковедения; что мой ум достаточно дисциплинирован, что мое духовное развитие следует признать основательным и что мои интересы и мои познания без преувеличения можно назвать энциклопедическими.

Профаном и слабым я остаюсь только в математике, отчасти в физике, и разумеется, в машиноведении.

Мой кругозор весьма широк. С высоты того развития, которое я получил, я вижу предметы и явления, освещенными со всех сторон. Мне чужды узость и односторонность – результат всякой специализации. И когда нужно намечать пути в решении того или другого сложного вопроса, я чаще всего вижу сразу несколько решений. Многим это кажется ‘не иметь своего определенного мнения’.

Вот почему всякая партийность органически чужда мне. Партийность это шоры, которые человек сам надевает на себя, либо надеты они у него от роду. Эти шоры позволяют видеть только узкую полосу впереди и делают человека слепым к тому, что происходит справа, слева и вокруг него.

К той широте развития, о которой я сказал, следует прибавить некоторые качества, благоприобретенные долгим одиночеством, самоуглублением и размышлениями. У древних пустынных монахов это называлось ‘прозорливостью’. Я бы назвал это просто чутьем, которое инстинктивно проникает за внешние формы и догадывается о том, что скрыто позади них.

Но только догадывается. И мне часто приходится долго раздумывать над простыми житейскими актами прежде, чем принять определенное решение. Рефлексия господствует над импульсом. Говорят, что это является признаком нерешительности.

Долгая привычка относиться вполне отрицательно ко всему показному, официальному, особенно же рекламному, в связи с упомянутым выше чутьем, заставляют меня сторониться всякого акта, всякого деяния, всякой линии поведения, которые усердно расхваливаются. Если это расхваливание делается в печати, я тогда чи-

таю между строк, вычитываю там совсем не то, что хотел сказать автор, и, конечно, раскрываю то, что он хотел скрыть.

При той энциклопедичности, о которой я сказал, меня трудно причислить к какой-либо научной либо философской школе. В философском мире таких людей как я называли эклектиками. В социальных вопросах я примыкаю к социал-демократии, но только примыкаю, не больше. Политики я чуждаюсь. В стране, где народ наполовину безграмотен, а политически – поголовно безграмотен, не может быть здоровой политики, удовлетворяющей интересы страны с ее настоящим и будущим населением. Политика же крайностей, как и всякие крайности – не в моем духе.

К тому же я слишком естественник. Может быть, гораздо более, чем марксист. Природа вообще, и человек в частности, не изменяется ни от фраз, ни от декретов, ни от усердия властей. Кто хочет ее переделать, должен считаться с этим. Единственный политический режим, который может содействовать такой переделке, это тот, который дает больше простора для деятельности. Но такой режим может установиться только в результате длительного политического воспитания.

Благодаря той же энциклопедичности, я быстро ориентируюсь во всяком новом вопросе, которым прежде я не занимался. Мой ум в этом отношении также восприимчив, как и в молодые годы. Может быть, этому содействует отсутствие тех ученых предрассудков, которые так часто встречаются у людей, посвятивших себя одной только специальности.

Когда я печатал в «Речи» свои научные новости, в них каждый вычитывал большей частью то, что интересует его лично, или относится к его специальности. При этом нередко встречалось, что один считал меня доктором, другой агрономом, третий инженером. Напр[имер], граф Ив[ан] Ив[анович] Толстой¹⁸ до личной встречи (он был тогда городским головою) оставался в таком же заблуждении.

Эта оценка со стороны читателей лучше всего свидетельствует, насколько я близко входил в тайны той науки, к которой относились мои печатные статьи. Очевидно, я не только сам входил, но и читателя вводил, что далеко не всегда удается профессиональным ученым. На этот счет я всегда придерживался и придерживаюсь

¹⁸ Граф Иван Иванович Толстой (1858–1916) – ученый (нумизмат, археолог), общественный и государственный деятель (министр народного просвещения в 1905–1906 гг., городской голова Петербурга в 1913–1916 гг.).

правила – излагать научные сведения с таким намеренным упрощением, какое только допускает трактуемый предмет.

Многочисленные приглашения, которые я получал от разных периодических изданий участвовать в них в качестве популяризатора, показывают, что эта манера вполне оценена читателем. Мне всегда казалось ошибочным замыкать науку в одну и ту же неизменную терминологию. В нашей стране для людей науки нет выше задачи, как сделать науку достоянием масс, разбудить пытливость их ума, приучить всех размышлять над научными фактами. Приобщенный к науке народ сумеет и в научный язык внести свое творчество, как он вносит его в общий язык. Тогда то, что теперь считается научным языком, окажется книжной выдумкой, сочиненной одинокими людьми, которые были изолированы от народных недр.

В начале 1906 г. студенты-технологи, ознакомившись при первой встрече с моими техническими наклонностями, убеждали меня немедленно поступить в Технологический Институт. В 1911–1912 гг. я бы кончил курс, забил бы свой ум в школьные колодки, связал бы себя крепкой цепью с каким-нибудь заводом или предприятием, и потерял бы свободу действий, свободу выбора, и, пожалуй, свободу духа.

Школа – великое дело. Но ничто так не влечет человека к рутине и рутинерству, как догмы, даваемые специальной школой. Хорошо, что соблазн выйти на торную и ‘хлебную’ дорогу тогда не сбил меня с той позиции, на которой я теперь стою, и которая часто называется пренебрежительным именем дилетантизма.

Оглядываясь на склоне жизни назад, на всю свою духовную эволюцию, я могу сказать вместе с огромным большинством умственно развитых людей, что мое мировоззрение также точно подвергалось изменениям, как и все на свете. Только единство мозга и нервной организации вообще, да единство сознания поддерживает в нас иллюзию единства личности. Этот мозг все время остается единым, хотя бы мысли, которые он вырабатывает, изменялись до противоположности.

Наиболее решительные изменения произошли у меня еще в юности. Тогда я не успел еще стряхнуть с себя заветы духовной школы. От догматизма веры, который внушал, что истина едина и дана человеку [В этом месте край листа оборван, О. Ш.] [раз и навсег]да, что нужно ее только узнать и в нее [В этом месте край листа оборван, О. Ш.] по [верить,] пришлось сделать большой переход к

научному мировоззрению, которое гласит совсем иначе, а именно: истины нет. И истин может быть несколько. Во всяком случае, истину нужно еще искать. И это искание, тренировка в поисках, умение легко и свободно ориентироваться в том, что выдается за истину – вот сущность всякого научного развития и подлинное приобретение научной мысли.

С догматизмом знания связан фанатизм чувства и деспотизм в действиях. Эти три детища, порожденные в долгий период умственного застоя, в котором пребывало человечество, к сожалению, еще не похоронены до ныне. И до сих пор появляются они в том же самом тесном содружестве друг с другом.

Когда теперь передо мной клянутся словами учителя, которые были сказаны 75 лет тому назад, я вспоминаю: так некогда клялись верующие словами Аристотеля, вместо того, чтобы смотреть вокруг себя и изучать факты вечно юной и вечно новой жизни.

После того, как мой духовный организм был до пресыщения отравлен догматизмом и его спутниками, в нем осталось здоровое противоядие. Оно не только предохраняет меня от каких бы то ни было погрешностей в эту сторону, но и делает особенно чутким в отношении таких же погрешностей, когда в них впадают другие люди. И догматизм веры, который составляет стихию наших дней, в моих глазах остается тем же догматизмом средневековья, который так хорошо знаком мне по воспоминаниям моей юности. Нет нужды, что он орудует в сфере политики, а не в сфере религии, потому что новой религией является он сам.

Естествознание вытравило во мне корни не только прежней религии, но и всякой другой. Мне чужда область веры. Всякой веры, в рай небесный также точ[но] [Далее – рукописный текст, О. Ш.], как и в рай земной. В страшный суд также точно, как и в немедленное низвержение старого мира.

В моих ушах естествовика слово мир имеет другое значение. Наш земной мир пережил многие эпохи. В эти эпохи появлялись новые континенты и исчезали старые. Появлялись новые типы животных и растений и глубоко в землю уходили старые. На эту колоссальную работу уходили миллионы лет.

Человеческий мир более подвижен и более изменчив. Но все коренные изменения в его истории требовали для своего совершения целых столетий.

Новейшие научные открытия нам говорят о распадении материи и о разных чудесах радия. Но и материя распадается чрезвычайно

медленно. И все эти открытия не дают нам никаких оснований для мысли, что эгоистическое нутро вчерашнего обывателя может превратиться сегодня или вскоре в самоотверженный светоч коммунизма.

Никакого прыжка из царства необходимости в царство свободы не может допускать мысль, работающая в границах естествознания и подчинения железным законам природы.

Построить новую фабрику и оборудовать ее из-за границы новыми машинами можно в 1-2 года. Но перестроить все народное, особенно сельское, хозяйство многомиллионной страны невозможно ни в один, ни в два десятка лет. Перестроить же чувства и привычки людей, в природе которых до сих пор держатся еще животные инстинкты, невозможно и в два-три поколения.

Вот почему, будучи юным душой и вечно устремляясь вперед, я не могу разделять тех юношеских увлечений, которые сейчас являются господствующими и которые, увы, знакомы хорошо мне были и 40 лет тому назад. Достаточно вспомнить наших восторженных поклонников сельской общины, которая казалась им надежным зародышем коммунизма. Эта община, по их мнению, должна была гарантировать Россию от стадии капитализма и, в отличие от всех капиталистических стран, обеспечить нам прямой и быстрый переход в следующую стадию – социализма.

Вот почему, участвуя посильно в строительстве новой жизни (она давно жаждала коренных перестроек), я не могу увлекаться той словесностью, которая, вообще говоря, весьма редко совпадает с действительной жизнью.

М. Новорусский

Библиография

Морозан 2008: В. В. Морозан, *Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования*, Нестор-История, СПб., 2008, с. 333–342.

Новорусский 1912: М. Новорусский, *И мой лепесток... // Памяти Петра Францевича Лесгафта, Школа и жизнь*, СПб., 1912, с. 222–226.

Новорусский 1933: М. Новорусский, *Записки шлиссельбуржца*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1933.

Саркисян 2017: Н. М. Саркисян, 'Февральские' истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 – сентябре 1919 гг. // <http://www.spbiiran.nw.ru/доклады-участников-конференции>, 14 ноября 2017.

Фигнер 1912: В. Фигнер, *Две встречи с П. Ф. Лесгафтом (1871–1907)* // *Памяти Петра Францевича Лесгафта, Школа и жизнь*, СПб., 1912, с. 143–154.

Фигнер 1920: В. Фигнер, *Шлиссельбургские узники*, Задруга, М., 1920.

Фигнер 1925: В. Н. Фигнер, *Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925)*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1925.

Шабунин 1982: А. В. Шабунин, *П. Ф. Лесгафт (1937–1909)*, Медицина, М., 1982.